

A black and white photograph of a man in a dark, industrial setting. He is wearing a light-colored dress shirt, a dark vest, a dark tie, and a dark fedora hat. He is holding a large stack of US dollar bills in his hands. The background is dark and moody, with a staircase and a door visible. A small light source is visible in the upper left corner.

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК

«Из здешних богачей можно выжимать
большие деньги. Надо только подумать как...»

Дж. Х. Чейз

Детективное агентство Парнэлла

Джеймс Чейз

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Фиговый листок / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1981 — (Детективное агентство Парнэлла)

ISBN 978-5-389-20153-8

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Дирку Уоллесу поручено разыскать пропавшего внука одинокого фермера. Поиски приводят его в захолустный городок, полный сплетен и тайн. Выясняется, что за респектабельным бизнесом кое-кого из местных жителей скрывается хитроумная преступная схема...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20153-8

© Чейз Д. Х., 1981
© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймс Хэдли Чейз

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК

James Hadley Chase

HAND ME A FIG-LEAF

Copyright © Hervey Raymond, 1981

All rights reserved

© А. В. Крышан, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Глава первая

Проснулся и зажужжал интерком.

Чик Барли вздрогнул. Расплескав немного скотча, – Чик пропускал уже вторую порцию за это утро, – он чертыхнулся и большим пальцем руки утопил клавишу аппарата.

Голос Гленды Керри прозвучал резким металлическим клекотом:

– Дирк, к полковнику... Бегом!

Чик выразительно посмотрел на меня из-за стола:

– Слыхал? Вся беда этой цыпочки в отсутствии постоянного партнера, а если у цыпочки нет...

Не дослушав, я уже шагал по длинному коридору к кабинету полковника Виктора Парнелла.

В детективном агентстве Парнелла я работал ровно неделю. Агентство имело прекрасную репутацию и считалось самым дорогим на атлантическом побережье. Располагалось оно на последнем этаже здания «Трумэн-билдинг», что на Парадиз-авеню городка Парадиз-Сити, Флорида. Клиентами агентства были в основном богачи, и мне пока не удавалось свыкнуться с царившей здесь атмосферой роскоши.

Пять лет назад ветеран Вьетнамской войны полковник Парнелл основал это агентство на деньги, полученные в наследство от отца, и сразу же добился успеха. На него трудились двадцать человек, большинство в прошлом копы либо военные полицейские. Меня взяли на место уволенного. Детективы работали по двое, и с напарником мне повезло: Чик Барли – светловолосый гигант, бывший лейтенант военной полиции – считался в агентстве лучшим сотрудником.

Признаться, с работой мне круто повезло, поскольку конкуренция была адская. Я получил это место лишь потому, что мой отец когда-то оказал Парнеллу услугу. Какую именно, не знаю, однако Парнелл не из тех, кто забывает добро. Дело в том, что отец мой свыше тридцати лет руководил детективным агентством Уоллеса в Майами, которое специализировалось на делах о разводах. Окончив колледж, я пришел на службу в его компанию и десять лет проработал сыщиком. Отец научил меня всему, что знал сам, а это, скажу вам, немало. Однако годы давали себя знать, и отец решил уйти в отставку. К тому времени дела у него шли все хуже: в агентстве, где прежде работали три детектива, не считая меня, остался я один, да и работы по большому счету не было.

Полковник Парнелл искал замену одному из своих детективов, оказавшемуся нечистым на руку. Отец написал полковнику, что я не худший вариант на эту должность. Собеседование прошло успешно, и теперь я сотрудник агентства Парнелла. Это большой шаг вперед по сравнению с работой в хиреющей конторе отца, которую, кстати, он ликвидировал после моего отъезда в Парадиз-Сити.

Как новичку мне дали недельный испытательный срок – в паре с Чиком мы занимались раскрытием краж в магазине самообслуживания. Задание скучное, как и большинство дел, которые ведут детективы: слежка за мужем либо за женой, розыск пропавших без вести и все в таком роде. Чтобы стать толковым детективом, нужно обладать терпением, упорством и пытливым, проницательным умом. Все это у меня имелось. Плюс честолубие.

Парнелл тесно сотрудничал с полицией Парадиз-Сити. Едва лишь возникало подозрение, что порученное агентству дело носит криминальный характер, Парнелл тотчас предупреждал шефа полиции Террелла. Действуя таким образом, полковник пользовался полной поддержкой полиции, что для детективной работы крайне важно.

Богатые клиенты поручали нам разобраться с деликатными и куда более важными проблемами, о которых полиция понятия не имела: шантаж, сбежавшие из дому с никчемными

личностями дочери, жены-алкоголички, сыновья-гомосексуалисты и прочее. Парнелл держал такие дела в строжайшем секрете и именно на них зарабатывал большие деньги. Толстосумы доверяли ему свои самые сокровенные семейные тайны. Обо всем этом поведал мне Чик. По его словам, рано или поздно, когда у меня появится опыт, я тоже стану помогать богатеньким заминать их мутные проблемы.

Я постучал в дверь кабинета Парнелла, чуть выждал и вошел в просторное, уютно обставленное, так не похожее на унылый и темный кабинет моего отца помещение.

Парнелл смотрел в большое окно, из которого открывался вид на Парадиз-авеню, океан и протянувшийся на многие мили пляж.

Полковник был настоящим великаном лет шестидесяти с небольшим. Мясистое загорелое лицо, маленькие голубые пронизательные глаза и поджатые губы – все выдавало в нем сурового старого вояку, – «не дай бог вам забыть об этом».

– Заходи, Дирк, – сказал он. – Сядь.

Парнелл прошагал к своему столу и опустился в массивное кресло.

– Как тебе на новом месте?

Я поискал глазами стул и пристроился на краешке. Всякий раз в присутствии Парнелла я нервничал. Даже Чик, проработавший с полковником годы, признавался мне, что рядом с Парнеллом ему тоже как-то не по себе.

– Отлично, сэр, – ответил я.

– Чик говорит, ты толковый малый. Неудивительно. Твой отец был отличным сыщиком. У тебя хорошая школа.

– Благодарю, сэр.

– Для тебя есть дело. Прочти-ка. – Он толкнул мне по столу конверт.

Почерк автора письма был размашистым, и на бумаге кое-где виднелись жирные пятна, словно писали на грязном столе.

*Аллигатор-лейн
Вест-Крик*

*Уважаемый полковник Парнелл,
когда мой сын погиб в бою, Вы были так добры и написали мне о том,
как это случилось, а также о том, что Вы представили его к медали Почета,
которой его наградили посмертно.*

*Насколько я понимаю, Вы владеете детективным агентством в
Парадиз-Сити, недалеко от того места, где я живу. Мне нужен детектив.
Дело в том, что пропал мой внук. Местная полиция не проявляет
заинтересованности. Я должен знать, что случилось с мальчиком. Прилагаю
к письму 100 долларов с целью нанять одного из Ваших сотрудников для
розыска мальчика. Я не могу заплатить больше, однако я надеюсь, что Вы
сделаете это для меня в благодарность за верную службу моего сына в Вашем
полку.*

*Искренне Ваш,
Фредерик Джексон*

Из разговора с Глендой Керри, которая занималась финансовыми вопросами вместе с бухгалтером Чарльзом Эдвардсом, я знал, что агентство бралось за новое дело только при условии, что клиент платит минимум 5000 долларов в качестве задатка плюс 1000 долларов на суточные расходы. Поэтому я с удивлением взглянул на Парнелла.

– Вот-вот! – Парнелл словно прочитал мои мысли. – Порой агентство получает просьбы о расследовании от людей, не способных заплатить, и Гленда тактично им отказывает. На сей раз случай особый. – Он умолк, раскурил сигару и продолжил: – Когда-нибудь слышал о Митче Джексоне?

– Да, сэр.

О Джексоне я помнил смутно, однако почувствовал, что умный вид мне сейчас не помешает.

– Митч Джексон был моим штаб-сержантом. Лучший солдат из всех, кто когда-либо служил у меня. – Парнелл зажмурился, словно оглядываясь в прошлое. – Отличный парень! Солдатом был толковым и отважным до последнего мгновения... В общем, так, Дирк: старику мы поможем. Возьмем его сотню баксов, и пусть это значит, что он наш клиент. И обслужим наилучшим образом. Понятно?

– Да, сэр.

– Вот тебе первое дело, – продолжил Парнелл, оценивая меня своим «полковничьим» взглядом. – Поезжай к старику и выясни, что у него стряслось. Отнесись к нему как к ВИП-клиенту. Все ясно?

– Так точно, сэр.

– Выясни все, а потом возвращайся и доложи мне. Узнаем все детали – решим, что можно сделать. Приступай завтра утром. – Он вновь окинул меня изучающим взглядом. – Это твой шанс показать мне свои навыки и умения. Так что давай покажи нам, на что способен. Договорились? – Парнелл толкнул мне через стол стодолларовую банкноту и лукаво улыбнулся: – Тебе на расходы. Только ни слова Гленде! Если она прознает, что я взял стодолларового клиента, начнет рвать и метать.

– Да, сэр.

– Вперед, Дирк. Времени у нас мало, действуй быстро, но дело раскрой.

Он взмахнул рукой, показав мне, что я свободен.

Я вернулся в кабинет, который мы делили с Чиком. Мой напарник просматривал объемистую папку с личными делами сотрудников универсама, за которыми мы вели наблюдение.

Чик поднял на меня глаза:

– Какие новости?

Я сел и рассказал ему.

– Митч Джексон? – Чик негромко присвистнул. – Классный парень! Я ведь служил с ним, он тогда был подчиненным полковника. Вот не знал, что Митч был женат. Видно, успел, когда нам дали месячный отпуск. Только нам он ничего не рассказывал. – Чик задумчиво посмотрел на меня. – Полковник рассказал тебе, как погиб Митч?

– Нет.

– Его гибель связана с какой-то военной тайной. Только не вздумай проговориться об этом его отцу, завалишь дело.

– Как же он погиб?

– Типичный армейский прокол. Разведгруппу в двадцать человек послали прочесать большой участок джунглей, где предположительно скрывались вьетнамцы. Дело в том, что продвижение нашей бригады застопорилось: мы несли большие потери под огнем снайперов на подходе к этому участку зарослей примерно в тысячу акров. Идеальное укрытие для снайперов. Полковник отправил вперед разведгруппу под командованием бывалого сержанта. Задачей группы было прочесать участок и выбить снайперов противника. Остальные солдаты бригады расположились на высотке, не сводя глаз с этого участка джунглей внизу. О приостановке продвижения бригады отправили донесение в штаб. Итак, два десятка парней входят в заросли, а бригада залегла и наблюдает. Митч захотел пойти с разведгруппой. Он всегда рвался быть первым в любой операции. Полковник его не пустил. Едва группа углубилась в джунгли, как

из штаба сообщили о вылете бомбардировщиков, которым поставили задачу сжечь этот участок леса напалмом. Какой-то чертов генерал от ВВС прошлепал сообщение полковника о том, что в лесу наша разведгруппа, и отдал приказ бомбардировщикам. Отзывать самолеты было поздно – мы уже слышали, как они летят. Тогда Митч вскочил в джип и помчался вниз по склону. Полковник кричал ему вслед, чтоб вернулся, но Митч думал только о тех двадцати парнях, и ничто не могло остановить его. На полном ходу он влетел в джунгли и остановился, лишь когда джип врезался в дерево. Митч выскочил из машины и побежал в лес, крича разведчикам, чтобы возвращались. Семнадцать парней выбежали из зарослей за мгновение до того, как бомбардировщики начали поливать джунгли напалмом. Мы видели, как Митч выбрался вместе с ними, но затем он остановился, обнаружив, что троих не хватает. Тем семнадцати он приказал бегом подниматься на холм, а сам вернулся в заросли. – Надув щеки, Чик шумно выдохнул. – К тому времени лес уже весь полыхал, и мы видели, как повсюду расплозились вспышки напалма... Это был самый безрассудный и самый отважный поступок, но ни за что на свете я не хотел бы еще раз увидеть такое.

– Чем все закончилось?

– Митч погиб. Именно так – спасая жизни семнадцати мальчишкам. Все, что осталось от него, мы сложили в джутовый мешок. Только по стальному опознавательному браслету мы поняли, что останки принадлежат ему.

– А трое других?

– Почти ничего: фрагменты костей, пара комков обугленного мяса и... Понимаешь, самое мерзкое, в том лесу не было никаких вьетнамцев! Похоже, они ушли оттуда за несколько часов до нас. Это была операция прикрытия. Здесь, в агентстве, мы называем такое фиговым листком. Генерала ВВС, отдавшего приказ о нанесении авиаудара, перевели куда-то. Полковник Парнелл поднял страшный шум, но начальство заткнуло ему рот. В указе о награждении Митча медалью Почета, к которой его представил полковник, говорится о спасении жизней семнадцати солдат, а сам Митч якобы был убит наповал пулей вьетнамского снайпера в тот момент, когда выводил людей из засады. – Чик пожал плечами. – Сам понимаешь, его отцу я сочинил версию куда более гладкую, чем то, что произошло на самом деле.

– Спасибо, что рассказал. Буду осторожен в разговоре с его отцом.

Чик подтянул папку к себе.

– Да уж... Интересно, какой у него отец, – проговорил он. – Если хоть немного похож на своего сына, будь с ним начеку.

На следующее утро, прихватив чемоданчик с самым необходимым и крупномасштабную карту, я отправился на служебной машине в Вест-Крик.

Большую часть жизни я провел во Флориде, однако эти места были мне незнакомы. Судя по карте, Вест-Крик – богом забытое место, значительно севернее Лейк-Плэсида. Путеводитель, в который я тоже заглянул, поведал мне: население Вест-Крика, а это 56 человек, зарабатывает себе на жизнь разведением лягушек, цена на которых сказочно взлетает зимой, когда их особенно трудно поймать. А лягушачьи лапки пользуются постоянным спросом в роскошных ресторанах побережья.

Дорога заняла более трех часов, и я решил сделать короткую остановку в Сёрле, цветущем и полном воздуха городишке: здесь выращивают томаты, перец, тыквы и картофель. Согласно карте, отсюда до Вест-Крика всего несколько миль. На завтрак я лишь выпил чашку кофе и сейчас проголодался. Кроме того, весьма полезно пообщаться с местными жителями перед тем, как выдвигаться на место расследования.

Я вошел в чистенький кафе-ресторан и занял столик у одного из окон, выходящих на оживленную главную улицу, забитую фургонами с овощами.

К моему столику подошла хорошенькая блондинка в обтягивающих джинсах и плотно облегающей футболке и сладко улыбнулась мне.

– Что закажете? – проворковала она, уперев ладони в стол и подавшись ко мне: полные груди колыхнулись под тонкой тканью футболки.

– А какое у вас фирменное блюдо? – в свою очередь спросил я, борясь с желанием ткнуть указательным пальцем в одно из аппетитных полушарий за вырезом футболки.

– Рубленая курица с овощами и картофелем. Причем умерла она не от старости.

– Отлично, несите.

Девушка отправилась на кухню, а я наблюдал, как она виляет своей аккуратной попкой. Даже такое захолустье, как Сёрл, может подарить радостные мгновения.

Тут я обратил внимание на сидевшего у стойки бара высокого мужчину преклонных лет с пышными седыми усами, пожелтевшими от табачного дыма. Ему было за семьдесят, одет он был в темный, заметно лоснящийся от времени костюм и засаленную ковбойскую шляпу. Старик посмотрел на меня, и я в ответ улыбнулся и кивнул ему. Он надолго задержал на мне взгляд, а затем подошел, не забыв прихватить свой стакан.

– Салют, приятель, – сказал он, усаживаясь за мой стол. – Нечасто встретишь незнакомца в наших краях.

– Я здесь проездом. Отпуск. Обозреваю окрестности...

– Серьезно? – Он отпил из своего стакана. – Неплохая идея. Здесь много интересного. Одно время у нас даже водились аллигаторы. До сих пор иногда встречаются в реке Пис.

– Видел этих тварей в Эверглейдсе¹. Занятно.

Девушка принесла рубленую курицу, брякнула передо мной тарелку и посмотрела на старика:

– Ну что, будем заказывать или дальше стул греть?

– Гляди, у меня еще осталось. – Старик поднял свой стакан и показал ей. – Будь я годков на десять моложе, я б тебе показал кое-что другое.

– Годков тридцать скинь, тогда, может, поговорим. – Кокетливо улыбнувшись, девица упорхнула.

Старик покачал головой:

– Эх, молодежь! Никакого уважения к старшим.

Как ни грустно признавать, нынешней молодежи старших уважать не за что, но об этом я счел нужным промолчать, не собираясь вступать в подобную дискуссию.

Я принялся за свою курицу.

– Страна аллигаторов, – заговорил старик. – Слышали когда-нибудь об Аллигаторе Пяitte? Вряд ли, вы слишком молоды. Наша местная легенда.

Я жевал курицу, которая якобы умерла не от старости.

– Легенда?

– Ну да. Слушай. Пятт делал так: прятался за бухтой троса и выжидал, пока аллигатор поднимется на поверхность. Тогда Пятт прыгал в воду, садился на зверя верхом и втыкал ему в глаза большие пальцы рук. Никогда не проигрывал. Представьте, какой он был сильный и отважный! Пятт говорил, что стрелять в аллигаторов – только зря патроны тратить...

– Да, золотое времечко, – сказал я.

– Одному только Пятту было такое под силу, но однажды и ему не повезло. Но он хоть умер в своей постели, а вот старина Фред Джексон потерял обе ноги.

В который уже раз, находясь на задании и вовлекая в разговор кого-нибудь из местных, я напал на золотую жилу, но не так скоро, как нынче.

Как бы невзначай я спросил:

– Фред Джексон? Не отец ли он Митча Джексона, героя войны?

¹ Национальный парк *Эверглейдс*, основанный с целью максимально близко продемонстрировать изобилие форм жизни на Земле. Занимает южную часть субтропической болотистой местности Эверглейдс в штате Флорида, США.

Старик пристально посмотрел на меня:

– Верно. А как вы узнали, что Фред живет здесь?

– Я не знал. Это вы мне сказали. – Я сделал честные глаза. – Простите, не расслышал ваше имя... Меня зовут Дирк Уоллес.

– Сайлас Вуд. Рад познакомиться, мистер Уоллес. Чем занимаетесь?

– Работаю в агентстве.

– В агентстве. Что значит «в агентстве»?

– Собираю информацию – справочный материал для писателей.

Похоже, мои слова произвели на него впечатление.

– В самом деле? А я сейчас на пенсии. Вот раньше у меня была ферма, выращивал помидоры, но в наши дни такая конкуренция... Все продал.

– Скажите-ка, мистер Вуд, Фред Джексон остался без ног до или после гибели сына?

Вопрос как будто озадачил Сайласа. Он потянул себя за длинный нос и надолго задумался. Наконец он сказал:

– Раз уж вы спрашиваете, Фред остался без ног, когда Митч был еще совсем мальчишкой. Фреду сейчас лет семьдесят восемь, если не больше. Митч хорошо заботился об отце, пока не призвали в армию. К тому времени Фред уже привык обходиться без ног и ловко передвигался на своих культях. Он у нас лучший ловец лягушек и совсем не бедствует.

– Вы знали Митча?

– Знал ли я его? – Вуд снова потянул себя за нос. – Да Митча здесь знали все. И никому бы в голову не пришло, что он станет героем. Лишнее подтверждение того, что по ребенку нельзя судить, каким он станет, когда вырастет. Вот как эта девчонка. Может, перебесится, да только национальной героиней никогда не станет, помяните мое слово.

– А что, Митч хулиганил?

Сайлас допил до дна и с несчастным видом уставился на опустевший стакан.

Я понял намек, взял его стакан и помахал им официантке, которая наблюдала за нами, положив груди на стойку бара. Она принесла полный стакан и поставила перед Вудом.

– Ваш второй. И последний, – сказала она и перевела взгляд на меня. – Больше двух он не осилит, так что не искушайте его.

С этими словами она ретировалась к бару.

Вуд скривил губы в озорной усмешке:

– Я же говорю, молодежь не уважает старших.

– Так что Митч?

Я доел курицу, не сожалея о том, что больше не осталось ни кусочка. Челюсти устали.

– Хулиганил, говорите? Не совсем верное слово. Он был настоящим бандитом. – Вуд отпил из стакана. – Головная боль для шерифа. В радиусе нескольких миль от него ни одна девчонка не чувствовала себя в безопасности. Вор и браконьер, вот кем он был. Страшно сказать, сколько помидоров он перетаскал с моей фермы, или сколько пропало куриц, или сколько бочек с лягушками обчистил он у других фермеров. Шериф знал, чьих это рук дело, однако Митч был парень ушлый и не попадался. А его драки! Митч был агрессивным и заводился с пол-оборота. По вечерам он частенько специально наведывался в город и затевал ссоры. Драться он любил больше всего на свете. Как-то раз на него налетели сразу четверо парней, возомнивших себя крутыми, но все четверо очутились в больнице. Терпеть его не мог... А если честно, я боялся его. Да что я – сам шериф его боялся. Народ в городе обрадовался, когда его забрали в армию. Больше мы его не видели.

Вуд прервался, чтобы сделать глоток.

– Однако, когда парня награждают медалью Почета, ему можно все простить и забыть. Теперь город гордится им... Ну, что было, то прошло, я так скажу. – Он подмигнул. – Многие

девчонки ревели в подушки по ночам, когда пришла весть о гибели Митча. Ему, похоже, стоило лишь щелкнуть пальцами, как они раздвигали ножки.

Я внимательно слушал и запоминал все, что говорил Сайлас.

– А его отец? Много общего с сыном?

– Фред-то? Нет. Фред был трудягой. Нрава крутого, но мужик честный и открытый. А когда потерял ноги, его как подменили. Раньше-то он частенько приезжал в город, с ним интересно было пообщаться, а стал инвалидом – и все. Замкнулся, гостей не приветчает. Когда был Митч, они вместе ловили лягушек. В город Фред больше не навещается, а если к нему кто на порог заявится – дает от ворот поворот. Лягушек ловит и сейчас, в его-то возрасте. Раз в неделю к нему приходит грузовик и забирает улов. Кормится Фред, наверное, кроликами да рыбой. Сам-то я не виделся с ним уже лет десять с гаком.

– Мать Митча жива?

– А бог ее знает. Никто ее здесь в глаза не видел. Говорят, приезжала сюда какая-то туристка пофотографировать Фреда и аллигаторов. Фред тогда был в полном соку. А с женщинами, думается мне, он вел себя, как Митч. Так или иначе, Фреду навязали наследника: в один прекрасный день перед своей халупой он нашел грудничка. Это и был Митч. Не стану клясться, что это истинная правда, но народ в Сёрле поговаривает, что так оно все и было. Фред воспитывал пацана в строгости, однако в школу ходить заставил. Когда Фред потерял ноги, спас его именно Митч. Он заботился об отце, пока тот не научился передвигаться на своих кулях. Это, пожалуй, единственное, что могу сказать хорошего о Митче: отца своего он любил, без вопросов.

– Любопытно, – заметил я.

– Вот и я о том же. В городе много судачили о них. Нечасто встретишь такой городишко, как наш, со своим национальным героем... А ведь был еще и внук.

Я изобразил легкую заинтересованность:

– У Митча есть сын?

– Именно! Вот где загадка. Лет так девять назад здесь появился мальчонка. Не старше восьми. Своими глазами видел, как он приехал. Ну вылитый бродяга: невымытый, обросший, башмаки каши просят. В руках старый облезлый чемоданчик, перетянутый бечевкой. Мне стало жаль его, я вообще детишек люблю. «Что ты здесь делаешь?» – спрашиваю. А он так вежливо мне отвечает: ищу, мол, своего дедушку, Фреда Джексона. Я страшно удивился. Объяснил ему, где живет Фред. Малец был явно голоден, и я предложил ему поесть, но он вежливо отказался: хочу, говорит, поскорее добраться до дедушки. Наш почтальон Джош как раз ехал на своем фургоне, и я уговорил его подвезти мальчишку. Митч к тому времени уже служил. Можете представить, сколько слухов поползло по городу. К Фреду отправился школьный учитель. На удивление, Фред впустил его и даже поговорил с ним. В результате парнишка тот, Джонни Джексон, стал ходить в школу, вернее, ездить туда на велосипеде.

– Джонни похож на отца?

– Ни капли. Мальчишка был симпатичный, тихий, вежливый такой, хиловат, может, немного, зато смывленный, учился хорошо. С другими детьми почти не водился, был нелюдим и никогда не говорил о Митче. А если ребятня спрашивала его, отвечал, что отца никогда не видел. Ведь он родился уже после того, как его отец отправился за моря-океаны. Когда прогремела весть о том, что Митч погиб и награжден посмертно, парнишка бросил школу. Ему тогда стукнуло четырнадцать. Школьный учитель опять пришел к Фреду, но тот заявил учителю, чтобы убирался к чертям собачьим. С тех пор вот уже шесть лет никто Джонни не видел. Я так думаю, парню обрыдло жить в тяжелых условиях с крутым дедом и он сбежал из дому. Я его не осуждаю. У старины Фреда и правда жизнь не сахар. – Вуд допил, вздохнул, затем выудил из кармана старинные серебряные часы и взглянул на них. – Мне пора, мистер Уоллес. К часу

дня жена всегда готовит мне горячий обед. Она будет брюзжать, если я опоздаю. – Он пожал мне руку. – Ну, хорошо вам отдохнуть. Надеюсь, еще увидимся. И пропустим по стаканчику...

Когда он ушел, я подал девице знак принести кофе. К этому времени здесь уже обедали несколько водителей грузовиков. На меня они не обращали внимания, как, впрочем, и я на них. Интересовали меня местные жители.

Официантка принесла кофе.

– Не стоит верить всему, что мелет Вуд, – посоветовала она, поставив чашку на стол. – Старый маразматик. О чем он тут трепался?

– О Митче Джексоне.

Она просияла, и на ее лице появилось то глуповато-мечтательное выражение, какое бывает у молодых под кайфом.

– Это был настоящий мужик! – Она прикрыла глаза и вздохнула. – Митч!.. Вот уже шесть лет, как его нет на свете, а память о нем живет. Я видела его только раз, когда была еще ребенком, но не забуду никогда.

– По словам Вуда, Митч был хулиганом. По-моему, если парня награждают медалью Почета, так он просто герой. – Я специально подлил масла в огонь: по слегка одурманенному выражению ее лица я понял, что Митч значил для нее больше, чем Элвис Пресли для миллионов тинейджеров.

– Лучше и не скажешь! Кто бы мог подумать, что его сын будет таким хлюпиком?

Я молча помешал свой кофе. Похоже, я сегодня напал на золотую жилу.

– Хлюпиком?

– Мы вместе учились в школе. За ним бегали все девчонки, потому что его отцом был Митч. А он, слюняй такой, бегал от них, как зашуганный кролик.

Один из водителей заорал, требуя свой ланч. Девушка поморщилась и пошла работать.

Потягивая кофе, я обдумывал все, что услышал. По словам Сайласа Вуда, внука Фреда не видели с тех пор, как погиб его отец. Опять же, по словам Вуда, в городе считают, что Джонни Джексон сбежал. Все это мне показалось полной бессмыслицей. Если мальчишка сбежал шесть лет назад, с чего вдруг Фред Джексон попросил Парнелла найти его только сейчас, спустя столько времени?

Я решил поспрашивать здесь еще, прежде чем отправляться на Аллигатор-лейн. Я расплатился, вышел на оживленную улицу и огляделся. Внимание мое привлекла вывеска со стрелкой-указателем: «Морган и Уизерспун. Лучшие лягушачьи окорочка».

Фред Джексон занимался ловлей лягушек. Значит, там я могу разжиться кое-какой информацией. По узкой улочке я проследовал в указанном направлении и увидел двойные ворота с очередной вывеской: «Морган и Уизерспун. Вы на месте. Входите».

Из-за высокого деревянного забора несло такой воню, что меня едва не вывернуло. Я толкнул одну из створок ворот и вошел в просторный двор, где стояли два грузовика с откинутыми бортами. Каждый был нагружен бочками, из которых доносилось приглушенное кваканье.

Напротив ворот стояло здание из бетона. Через большое окно я разглядел склонившегося над столом человека в белом халате. Преодолев три ступени крыльца, я толкнул дверь и вошел в небольшой офис, где работал кондиционер. Дверь я поспешно закрыл, пока едкая вонь со двора не проникла в помещение.

Человек за столом дружелюбно улыбнулся мне. На вид лет сорока шести, резкие черты лица, редкие черные волосы.

– Чем могу служить? – спросил он, поднимаясь и протягивая мне руку. – Гэрри Уизерспун.

– Дирк Уоллес, – представился я, пожимая его руку. – Мистер Уизерспун, я отниму у вас немного времени, однако надеюсь, что вы будете снисходительны.

Улыбка его стала шире, однако маленькие пронизательные глазки испытующе разглядывали меня.

– Как раз сейчас, мистер Уоллес, временем я располагаю. Делами я займусь через полчаса, а в данный момент перевариваю ланч, так что присаживайтесь и расскажите, что привело вас сюда.

Мы сели.

– Я работаю в агентстве, которое занимается сбором информации для писателей и журналистов, – прибегнул я к надежной легенде. – Я тот, кто предоставляет им факты. Фактам этим они добавляют подробности, публикуют свои тексты и зарабатывают миллионы. Я – нет, – добавил я с печальной улыбкой. – В настоящий момент меня интересует все о национальном герое Митче Джексоне, его отце и лягушках, поскольку известный периодический журнал планирует напечатать большую статью о Митче.

Уизерспун почесал редющую макушку.

– На мой взгляд, свежими эти новости не назовешь. О Митче Джексоне уже столько написано.

– Вы же знаете, мистер Уизерспун, как бывает. Мне хотелось бы взглянуть на все с иной точки зрения, отыскать что-то новое...

Он пожал плечами.

– Дело в том, что с Митчем Джексоном я никогда не встречался, о чем ничуть не жалею, судя по тому, что о нем слышал. А о лягушках рассказать вам могу. Обратили внимание на зловоние? Ничего страшного, привыкаешь. Лягушки дурно пахнут, и места их обитания... пахучие. Лягушачьи лапки, или окорочка, как мы называем их в торговле, приносят высокие доходы. Сам-то я их не люблю. Однако немало состоятельных людей просто обожают лягушачьи лапки под чесночным соусом. И дело это прибыльное. Ну а здесь, на фабрике, мы принимаем продукцию с лягушачьих ферм и продаем ресторанам. – Уизерспун откинулся на спинку стула, и по оживленному выражению его лица я понял, как дороги лягушки его сердцу. – Главное, конечно, отлов лягушек. По счастью, это не моя головная боль. Что же до Фреда Джексона... Тридцать лет он был нашим лучшим поставщиком, и не только по объему поставок. Однако теперь я уже не могу так на него надеяться – стареет... Как и все мы, не правда ли? – Уизерспун вновь широко улыбнулся мне. – Принцип работы фермеров-лягушатников следующий. Они находят подходящий участок земли с болотом и небольшими прудами и покупают его либо берут в аренду. Фред Джексон – мужик башковитый. Свою землю он приобрел давным-давно и почти даром. Лягушки питаются насекомыми. Фермеры, такие как Джексон, разбрасывают вокруг пруда протухшее мясо. Оно привлекает мясных мух. А мясных мух любят лягушки. Пока лягушки ловят мух, фермеры ловят лягушек. Джексон мастер своего дела. Дневного отлова ему было мало! Вокруг своих прудов он установил электрическое освещение, чтобы привлекать мотыльков и жуков. Поскольку лягушки по ночам тоже питаются, Джексон тут как тут – ловит их. За год самка лягушки откладывает от десяти до тридцати тысяч икринок. Головастики появляются через девяносто дней. Два года лягушка набирает вес, чтобы сделаться съедобной. – Уизерспун снова улыбнулся. – Лекция окончена.

– Благодарю. Именно то, что я хотел услышать. – Я немного помолчал, а затем продолжил: – Вы упомянули, что с Митчем Джексоном не встречались. При этом заметили, что не жалеете об этом, даже несмотря на то, что Митч – национальный герой. Не могли бы вы объяснить это?

Он немного смутился, потом пожал плечами:

– Видите ли, мистер Уоллес, я ведь не уроженец этого города. И понадобилось какое-то время, чтобы меня здесь признали своим. Я купил свою долю в деле Моргана, который вышел на пенсию и недавно умер. Я один руковожу этой фирмой. У Митча Джексона здесь доброе имя, потому что он награжден медалью, и мне совсем не хочется, чтобы меня цитировали.

Здесьняя детвора чтит его память, так что все сказанное мной ни в коем случае не должно попасть в прессу.

– Без проблем, – заверил я. – Если вы так хотите, ваше имя упоминаться не будет.

– Именно этого я и хочу. – Несколько мгновений он не сводил с меня глаз. – Я приехал в Сёрл уже после смерти Митча Джексона. Но наслышан о нем сполна. Митч наводил страх на весь город. Здесь он слыл отпетым головорезом, но, когда его наградили, жители города сделали его легендой. У местных девчонок так вообще посрывало крыши, и они боготворят Митча, словно какого-то поп-идола.

Последним словам я не придавал значения. В юности я боготворил Синатру... У молодежи должны быть кумиры.

– Если хотите знать всю правду о Митче Джексоне, вам стоит порасспросить Эйба Леви, – продолжил Уизерспун. – Это один из моих водителей, которые собирают бочки с северных ферм. Он много лет забирал улов у Фреда Джексона. – Уизерспун бросил взгляд на часы. – Эйб сейчас в разделочном цехе. Хотите с ним пообщаться?

– Разумеется. А вам спасибо, мистер Уизерспун. И последний вопрос: что еще вы можете рассказать о Фреде Джексоне?

Уизерспун покачал головой:

– Увы, ничего. Честно говоря, даже в глаза его не видел. Слышал, он потерял обе ноги в схватке с аллигатором. Пока он болел, ловлей лягушек занимался Митч, а затем Фред снова вернулся к работе. С недавних пор его улов стал снижаться, но в его возрасте этого следовало ожидать. Судя по тому, что я о нем слышал, Фред суров, но честен.

– Пойду побеседую с Леви. – Я поднялся.

Уизерспун показал через окно:

– Вон тот большой сарай. Сейчас у Эйба как раз ланч. – Уизерспун встал. – Рад был познакомиться, мистер Уоллес. Если захотите узнать что-либо еще о лягушках – вы знаете, где меня искать.

Мы пожали друг другу руки, и я вышел на вонючий двор.

В сарае несколько цветных женщин потрошили лягушек. От этого зрелища и острого зловония меня опять едва не вывернуло. Здесь же я разглядел мужчину лет шестидесяти пяти, с аппетитом наворачивающего бобы из консервной банки. Непостижимо, как можно потреблять пищу в таком зловонии, но этот не слишком опрятный мужичок, невысокий, коренастый, с мощной мускулатурой и седеющей бородой уплетал свой ланч с явным удовольствием.

Я преподнес ему ту же легенду о сборе информации для агентства, что и Уизерспуну. Леви слушал меня, пока ел, а закончив, испытующе посмотрел на меня плутоватым взглядом серых глаз малоимущего. За несколько лет работы по сбору всякого рода сведений я научился распознавать этот алчный взгляд.

– Мистер Уизерспун сказал, вы можете поделиться со мной кое-какой информацией, – обратился я к нему. – Не рассчитываю, что вы сделаете это за спасибо. Пять баксов вас устроят?

– Лучше десять, – живо ответил он.

Я выудил из бумажника пятидолларовую банкноту и помахал ею.

– Для начала пять. А там посмотрим.

Он выхватил пятерку у меня из пальцев с проворством хватающей муху ящерицы.

– О'кей, мистер. Что вас интересует?

– Расскажите о Фреде Джексоне. Мне сказали, вы знакомы много лет.

– Верно. И чем чаще я его вижу, тем меньше хочу видеть снова. Мерзкий старый хрыч. Ну, ладно, понимаю, многие станут озлобленными, потеряв обе ноги, но Фред всегда был скупердяем.

– Скупердяем? Вы хотите сказать, он не любил расставаться с деньгами?

– Я этого не говорил, хотя да, не любил, но тип он гнусный. Из тех, что делает гадость ближнему, даже на секунду не задумавшись. Да у Фреда и друзей-то никогда не было. Потому что характер у него такой же гадкий, как у его сыночка.

– Награжденного медалью Почета.

Леви фыркнул:

– Наградили, потому что он безбашенный и жестокий подлюка. Во что бы он ни ввязывался, ни на секунду не включал голову. По мне, так это не храбрость, а дурость. Джексоны – скверная семейка. Они меня просто бесят – все до одного. Уже больше двадцати лет я каждую неделю бываю в хижине Джексона. Хоть бы раз кто-то из них предложил мне пивка. Или помог грузить бочки с лягушками, а они такие тяжелые! Впрочем, теперь Фред без ног, и помощи я от него не жду. Но сынок-то, Митч, когда был здесь, только ухмылялся, глаза, как я надрываюсь. – Он хмыкнул. – Другие-то «лягушатники» всегда и пивом угостят, и помогут с погрузкой, только не Джексоны.

Леви заглянул в свою консервную банку, поскреб ложкой и, отыскав пару фасолин, отправил их в рот.

– От всех этих разговоров о национальном герое Митче меня блевать тянет. А по факту – город избавился от него, и слава богу.

«Похоже, он не скажет мне ничего нового», – подумал я.

– А внука его знаете?

– Видел разок. Там, у Джексонов. Я приехал на грузовике, а он стирал одежду в кадке. Похоже, Фред заставлял его отрабатывать еду и кров. Мальчишка, как увидел меня, сразу зашел в хижину, а оттуда вышел Фред. Разговаривать с пацаном мне не довелось ни разу. Видать, крепко достала его жизнь у Фреда, и он сбежал, когда Митча убили. Вот тогда я его и видел. Лет шесть назад.

– Тогда ему было примерно четырнадцать?

– Пожалуй. Худющий такой мальчонка, совсем не похож ни на отца, ни на деда. Я частенько задумывался, а сын ли он Митчу? У Митча-то рожа уголовника, как у тех, что на объявлениях о полицейском розыске. Мальчик был совсем другой, он был классным: так говорили о нем ребята в школе. Наверное, в мать пошел.

– А о ней что-нибудь знаете?

Леви покачал головой.

– Никто не знает. Наверное, одна из бывших Митча. Поматросил и бросил. Может, откуда-нибудь из нашего округа. Он же ни одной юбки не пропускал. Не знаю, может, Джонни в папу пошел – я как-то видел у них девчонку... – Эйб задумался, потом покачал головой: – Месяца через четыре после того, как мальчишка дал деру.

Не показывая своей заинтересованности, я небрежно сказал:

– Расскажите про эту девушку.

– Да я видел-то ее мельком. Она стирала белье, как это делал Джонни, в кадке перед хижинкой. Едва я выехал из-за поворота, она шмыгнула в дом и больше не показывалась. Когда вышел Фред, я спросил, не нанял ли он прислугу, а он лишь буркнул что-то в ответ – другого я от него и не ожидал. Я решил, он нанял себе эту девчонку из города на замену внуку. Признаюсь, мне вдруг стало любопытно, и я порасспрашивал народ, но никто не знал, чтобы у Фреда работала прислуга. – Леви пожал плечами. – Больше я ее не видел.

– Можете описать ее? Сколько ей было лет?

Он облизал ложку, которой ел, и спрятал в карман.

– Молодая совсем. Тоненькая. Волосы светлые. Я сразу обратил внимание на волосы: длинные такие, доходили ей до талии, и невымытые.

– Во что она была одета?

– Джинсы и, наверное, какая-то футболка, не помню. Может, Джонни все-таки жил там, а она вместе с ним. Фреду на это было плевать. Ему же было плевать на то, как Митч вел себя с девушками. – Леви помолчал, затем с той же плутоватой улыбкой поинтересовался: – Ну, как я справляюсь?

– Еще один вопрос. Мне говорили, что Митч был нелюдим. Неужели совсем не было друзей?

Леви поскреб грязную бороду.

– Да крутился с ним какой-то поганец. Такой же гаденыш, как Митч. – Леви поднял глаза к потолку. – Вот только имени его не припомню...

Я достал вторую пятерку, но держал ее так, чтобы Леви не дотянулся. Он проследил взглядом за банкнотой, еще раз почесал бороду, затем кивнул:

– О, вспомнил... Сид Уоткинс. Его призвали в одно время с Митчем. Народ в городе радовался, что они оба уезжают. Отец и мать Сиды были уважаемыми людьми. Они держали бакалейную лавку в Сёрле, но, когда мать умерла, отец отошел от дел. Без жены в лавке он не справлялся, а Сид не проработал в своей жизни и дня.

– Митч и Сид дружили?

Леви скривился.

– Чего не знаю, того не знаю. Они воровали на пару и шлялись всюду вместе. Когда Митч затевал ссору, Сид никогда не вмешивался. Наблюдал в сторонке. Можно сказать, из них двоих Сид был голова, а Митч – мускулы.

– Сид вернулся с войны?

– Нет. Мы с его отцом иногда пропускаем по стаканчику. Так вот он до сих пор надеется получить весточку от сына, а весточки все нет. Ему известно лишь то, что Сид демобилизовался, вернулся в Штаты и пропал из виду. Как пить дать, попал в какую-нибудь передрагу.

Некоторое время я обдумывал услышанное, после чего протянул Эйбу пять долларов.

– Если понадобится, я вас снова навещу, – сказал я. Мне не терпелось поскорее выбраться из сарая и глотнуть свежего воздуха. – В этот час вы всегда здесь?

– Ну да. – Он спрятал банкноту в карман.

– Как мне добраться до дома Фреда?

– Вы на машине?

Я кивнул.

– Отсюда миль пять. – Леви подробно описал мне маршрут. – Только вы это... С Фредом поосторожнее. Дрянь-человек.

Я вернулся к машине и поехал на Аллигатор-лейн. По пути мне было о чем подумать.

На главной улице я заметил офис шерифа. Мелькнула мысль зайти и представиться. По своему опыту я знал, что местные шерифы, мягко говоря, не жалуют заезжих детективов, разнюхивающих что-либо на их территории. И я решил сначала переговорить с Фредом Джексоном. С просьбой отыскать внука он обратился в агентство, и не исключено, что он хотел сохранить расследование в тайне.

Эйб Леви предупредил меня, что перед поворотом на Аллигатор-лейн указателя нет и следует искать узкий съезд с шоссе, наполовину скрытый зарослями кустарниковой черники. Дорога была свободна, и я, сбросив скорость и никому не мешая, добрался до развилки. Я свернул на грязный проселок, который извивался и горбился, как издыхающая змея; по обе стороны тянулся густой лес. Через пару миль дорога стала шире – вероятно, это был участок односторонней дороги, где могли разъехаться либо отстояться грузовики, прежде чем направиться к шоссе.

По отдаленному кваканью лягушек я догадался, что приближаюсь к дому Джексона. Дорога снова сужалась и делала резкий поворот вправо. Я медленно проехал еще немного и

наконец увидел деревянный домишко, колодец с ведром недалеко от входной двери, скамью под одним из замызганных окон и бочку для лягушек.

Я на месте.

Я остановил машину, заглушил мотор и коротко просигналил. Ответом мне было лишь кваканье лягушек. Немного подождав, я вновь нажал на клаксон.

И вновь никакой реакции.

Я предположил, что Фред отправился охотиться на лягушек. Я выбрался из машины на влажный зной. Даже если и дул ветерок, доступ ему перекрывали деревья и заросли. Неумолчный лягушачий хор действовал на нервы – в странных звуках мне чудилось что-то почти человеческое: будто множество дряхлых старичков отхаркивали мокроту.

Я закурил сигарету и принялся разглядывать дом – крепкий, сложенный из сосновых бревен, с просторной жилой комнатой и, возможно, двумя спальнями. Входная дверь приоткрыта.

От жары я начал потеть. Липкий зной, лягушачий концерт и уединенность места напрягали и даже нагоняли жуть.

Я подошел к двери и постучался – никто не ответил. Я постучал погромче и, выждав немного, распахнул дверь и вздрогнул от резкого скрипа ржавых петель.

С порога большой комнаты я вглядывался в пыльный полумрак. Помещение было обставлено громоздким старьем, какое в наши дни и на распродаже никому не приглянется.

За большим столом сидел бородатый старик. Я сразу понял, что это Фред Джексон: у него не было ног. Перед ним на столе стояла тарелка с какой-то тушеной едой – точнее определить не удалось, так как большую часть содержимого скрывал от меня рой раззадоренных мясных мух.

Взгляд мой перескочил на здоровенную черно-коричневую лягушку, сидевшую на дальнем конце стола и наблюдавшую за мухами. Она сверкнула на меня черными блестящими глазками и вдруг прыгнула над столом в мою сторону. Я невольно пригнулся, а лягушка приземлилась на пол с мягким шлепком и была такова.

– Мистер Джексон... – начал было я и умолк.

Человек за столом продолжал сидеть неподвижно.

К этому моменту глаза мои привыкли к полумраку. Я прошел в комнату.

– Мистер Джексон?..

Мухи зажужжали, поднявшись в воздух, затем вновь опустились на содержимое тарелки.

И тут я разглядел на лице Джексона тонкую струйку уже застывающей крови.

В центре грязного лба старика чернело пулевое отверстие.

Фред Джексон был покойник, как и его сын. Только убили его куда более аккуратно.

Глава вторая

Дверь в офис шерифа была открыта нараспашку. Я остановился на пороге и окинул взглядом помещение. Знакомая обстановка. Такое частенько видишь в телесериалах: винтовки в пирамиде, свисающие с крючков наручники и три пустые камеры для задержанных. Тишина. Обстановка бездействия и зеленой скуки.

Лицом ко мне за большим столом с именной табличкой восседал, словно Будда на троне, шериф Тим Мэйсон. Мне подумалось, что только брюки и засаленная форменная рубашка цвета хаки со звездой шерифа не давали его жиру растечься. В жизни не видывал более тучных людей. Мало того, его рыхлое, с прожилками сосудов багровое лицо, налитые кровью глаза и стекающий из-под ковбойской шляпы пот выдавали в нем явного любителя приложиться к бутылке.

За другим столом сидел голубоглазый парень, чрезвычайно похожий на Микки Руни в те времена, когда тот изображал на экране несовершеннолетних киногероев². Судя по табличке на его столе, это был помощник шерифа Билл Андерсон.

Шериф Мэйсон уставился на меня так, словно пытался сфокусировать взгляд. Помощник шерифа Андерсон поднялся. Роста он был небольшого, но с округлыми, мощными плечами.

– Чем могу быть полезен? – с неуверенной улыбкой поинтересовался Андерсон.

На мой взгляд, ему было двадцать три или двадцать четыре года.

Я вошел в офис и приблизился к его столу.

– Официально заявляю об убийстве Фредерика Джексона с Аллигатор-лейн, – доложил я.

Помощник шерифа Андерсон дернулся назад, как если бы я от души приложил его снизу в подбородок.

– Вы кто такой, черт побери? – с явной угрозой проревел шериф Мэйсон.

Я достал бумажник, вытянул из него одну из своих визиток и, подойдя к шерифу, положил ему на стол. Трясущейся рукой он подобрал карточку, долго вглядывался в нее и наконец прочел текст.

– Чертов ищейка! – Его жирное лицо перекосило злобой. – Как же я не люблю ищеек! Что вам надо в моем городе?

– Я заявляю об убийстве Фредерика Джексона, фермера-лягушатника, – громко и отчетливо объявил я.

Мэйсон вновь проштудировал текст визитки. Суть моего заявления, по-видимому, до него не дошла.

– Как же я не люблю ищеек! – повторил он. – И не потерплю их в моем городе! Проваливайте и держитесь отсюда подальше!

– Я заявляю об убийстве Фредерика Джексона, – повторил я, повысив тон.

Словно слон, поднимающийся с колен, шериф медленно встал и зашаркал вокруг своего стола.

– Займись-ка этим придурком, Билл, – велел он. – Выпроводи его. Меня ждут дела. – Шериф вразвалочку проковылял мимо меня, вышел на солнышек и пропал из виду.

Я забрал свою визитку и положил ее на стол перед Андерсоном.

– Вы всегда так работаете? – поинтересовался я.

² *Микки Руни* (наст. имя Джозеф Юл-младший; 1920–2014) – американский актер, который до Второй мировой войны успешно играл роли бойких, находчивых подростков. Четырежды был номинирован на премию «Оскар» и дважды (в 1939 и 1983 годах) получил ее за особый вклад в развитие кино. Включен в Книгу рекордов Гиннесса как рекордсмен по продолжительности актерской карьеры.

Андерсон переступил с ноги на ногу, прочитал мою визитку, поднял внимательный взгляд на меня и покачал головой.

– Вы заглянули в не самый удачный момент, мистер Уоллес. В это время шерифу необходимо принять лекарство, и пока он этого не сделает, факты просто не воспринимает.

– А что, бутылку он здесь не держит?

– Он не пьет в одиночку, ему нужна компания. Так о чем вы... заявляете?

Я едва не вскипел, успокоив себя тем, что имею дело с провинциалами из захолустья.

– Об убийстве Фредерика Джексона.

Андерсон вздрогнул.

– Кажется, я верно расслышал ваши слова, но в голове не укладывается такое... Вы уверены?

– Джексон мертв. Застрелен в голову. Рядом с трупом оружия нет, значит это убийство, – терпеливо объяснил я.

– Вы сами видели?

– Только что побывал в его доме. Лучше бы перевезти тело в морг, а то в доме, как в раскаленной печи, и всюду пируют мухи.

Загорелое лицо Андерсона заметно побледнело, он рухнул в кресло.

– Убийство! У нас никогда еще не было убийств, – пробормотал он.

– Что ж, теперь есть... Для разнообразия.

– Господи! Убийство!

Мне стало жаль Андерсона. Слишком уж он молод для помощника шерифа и наверняка без опыта полицейской работы. Ему бы разбираться с кражами, неправильными парковками, пьянством и, возможно, случаями изнасилования. Однако убийства – совсем не его уровень.

Я попытался успокоить парня и сказал мягко:

– Посоветовал бы для начала вызвать полицию штата. Пусть займутся этим.

Он округлил глаза:

– Никак не могу. Шериф Мэйсон не захочет иметь с ними дело! Он здесь шерифом уже двадцать лет и ни разу не обращался к полиции штата.

– Значит, время пришло, – сказал я. – Рано или поздно звонить им все равно придется, так что лучше сделать это прямо сейчас.

Андерсон потер подбородок тыльной стороной ладони и задумался. Казалось, я слышал, как со скрипом проворачиваются в его голове шестеренки, и мне еще больше стало жаль его. Мальчишка был предан шефу-алкашу. Как и я, он знал: едва сюда заявится полиция штата и увидит шерифа – для Мэйсона все будет кончено.

– В конце года ему на пенсию, – проговорил Андерсон скорее для себя. – Он отличный мужик, но бутылка одолела его. Здесь все любят Мэйсона и на его пьянство смотрят сквозь пальцы. Если полиция штата... – Он вновь потер подбородок и беспомощно посмотрел на меня.

– Так, я докладываю об убийстве, – не сдавался я. – Этим сниму с себя подозрения. Остальное – не моя забота.

Андерсон вновь бросил взгляд на мою визитку.

– Вы работаете на полковника Парнелла?

– Да, на визитке указано.

– Классное агентство. Самое лучшее.

Он начал мне надоедать.

– Лучше не бывает.

– Я слышал, там была вакансия детектива. Я писал туда. – Андерсон опять потер подбородок. – Но опоздал, место заняли. Я многое бы отдал, чтобы работать на полковника Парнелла. Как, по-вашему, вакансия еще может появиться?

– Может. Зависит от кандидата. Полковник заинтересован в толковых сотрудниках.

– И зарплата приличная, да?

– Само собой.

– Было бы круто получить работу у полковника Парнелла. – Он в который раз принялся тереть подбородок, окунувшись в честолюбивые мечты и не глядя на меня. – Мне уже вот где этот задрипанный городишка.

– Ну, похоже, это шанс прославиться, – сказал я. – Убийство всегда попадает на первые полосы газет.

Андерсон встрепенулся, словно, замечтавшись, напрочь забыл о свалившемся на него убийстве.

– Да, об этом я как-то не подумал... Господи, что же мне делать?!

– Вызывать полицию штата, пока Джексона не сожрали опарыши.

Он сделался еще бледнее.

– Да не могу я! – Он умоляюще взглянул на меня. – Вот вы, как бы вы поступили на моем месте?

– Ну, если нельзя вызывать полицию штата, значит следует вызвать «скорую» и вместе с врачом поехать туда, чтобы осмотреть все на месте, – ответил я. – Ведь, по сути, у вас есть только мое заявление об убийстве, верно?

Андерсон заметно оживился.

– Так и сделаю! – Он потянулся к телефону.

Пока он разговаривал, я подошел к двери и стал смотреть на оживленную улицу. Ситуация казалась мне достойной сюжета комикса, но тут меня осенило: подбадривая Андерсона, можно раскрутить его на ценную информацию для моего доклада полковнику.

Повесив трубку, помощник шерифа подошел и стал рядом со мной у двери.

– «Скорая» уже выехала, в ней доктор Сидд, наш коронер. – Андерсон неуверенно взглянул на меня. – Он совсем старенький, но после шерифа самый влиятельный гражданин здесь. – Он беспокойно переступил с ноги на ногу и продолжил: – А вам, наверное, не раз приходилось вести дела об убийствах?

Парню очень хотелось услышать от меня «да», и я не стал его разочаровывать:

– Дела у нас на любой вкус: убийства, шантаж, похищения людей. Я уже хлебнул своего.

Он просиял:

– Я тут подумал... Может, съездите со мной? Вдруг обнаружите какие-нибудь улики, которые я могу проглядеть?

– Как же я могу? Шериф Мэйсон будет против. Он ведь не любит ищеек. А ссориться я с ним не хочу.

– Да вам и не придется с ним ссориться! Он как только махнет рюмочку – совсем другой человек. Я серьезно. Просто вы появились в неподходящий момент. Вот увидите, он будет только рад, если вы поможете ему.

– Лучше все-таки спросить у него. Кстати, долго он еще будет накачиваться?

– Через пару часов появится. Но спрашивать его нет нужды. Увидите его в следующий раз – не узнаете. В городе его обожают, особенно когда он примет порцию скотча.

В этот момент подъехала выдавшая виды машина «скорой помощи». В кабине я разглядел двух цветных санитаров в белых халатах и маленького человечка лет семидесяти восьми с длинными седыми волосами и седой бородой. Последний выбрался из машины и стоял, разглядывая нас. Его морщинистое лицо напоминало иссушенное яблоко; он заметно хромал.

– Доктор Сидд, – пояснил Андерсон и пошел здороваться со стариком.

Я дождался, пока Андерсон закончит говорить, и поймал на себе живой, пытливый взгляд доктора. Я подошел и пожал протянутую руку.

– Старина Фред Джексон, – проговорил он тонким охрипшим голосом. – Скверно. Убит, да? Плохо дело. Билл рассказал мне о вас, молодой человек. Будем рады вашей помощи. По правилам-то нам следует вызвать полицию штата, но мы предпочитаем управлять нашим городком без постороннего вмешательства. Мы лучше призовем на помощь ваш опыт в подобных делах.

– Готов сотрудничать, сэр, однако полицию штата проинформировать необходимо. Это убийство.

Его губы тронула лукавая улыбочка.

– Это буду решать я, молодой человек. У старика Фреда едва ли оставалось хоть что-то, ради чего можно жить. Не исключено, что он решил покончить с собой.

– Оружие убийства отсутствует.

– Разберемся на месте. – Стид похромал к «скорой» и забрался в кабину.

Пока мы говорили, собралась кучка любопытствующих жителей Сёрла. Такое зрелище им было в диковинку: «скорая» перед конторой шерифа плюс коронер, да вдобавок еще и незнакомец.

– Поедем в моей машине, – предложил Андерсон.

Я забрался в его старенький «шеви», и вслед за «скорой» мы покатали по главной улице к выезду на шоссе.

– У Джексона родственники остались? – спросил я.

– Внук. Только никто не знает, где он. Больше никого, насколько мне известно.

– Фред Джексон заявлял об исчезновении внука?

– Да, пару месяцев назад. Передал через почтальона: мол, хочет переговорить с шерифом Мэйсоном. Ну, шериф поехал к нему, вернулся, говорит, Фред поднимает шум на пустом месте. Мальчишке, скорее всего, осточертело жить с Фредом, вот он и дал деру. Мэйсон сказал, что беспокоить полицию штата нет нужды, им и без того хватает дел о розыске пропавших без вести.

– Так Фред передал просьбу к шерифу через почтальона? Значит, Фред получал почту?

– По-моему, да. Наверняка не скажу. – Он взглянул на меня. – Думаете, это важно? В смысле, вы полагаете, что этот факт может оказаться ниточкой?

– Не исключено. Просто мне показалось весьма странным, что такой старый отшельник, как Фред Джексон, получал почту.

– Могу уточнить у Джоша – нашего почтальона.

– Хорошо. Это не горит.

Между тем мы свернули на узкий проселок, ведущий к дому Фреда: «скорая» подняла тучи пыли, и Андерсону пришлось сбросить скорость.

Когда он наконец остановился у дома, двое цветных санитаров уже вытягивали носилки из салона «скорой». Я направился ко входу в жилище.

Доктор Стид стоял над тем, что когда-то было Фредом Джексон. Над его шляпой кружились мухи.

Вонь стояла та еще.

– Взгляните-ка, молодой человек. – Доктор Стид указал на пол возле ножек стула, на котором сидел Фред. – Кое-что вы проглядели.

Наполовину скрытый от меня стулом, на полу лежал пистолет – маленькая «беретта» 22-го калибра.

– Так я и думал, – продолжил доктор Стид с самодовольным выражением на старом морщинистом лице. – Бедняга свел счеты с жизнью. Говорите, убийство? – Он издал хриплый смешок. – Впредь вам следует быть повнимательнее, молодой человек. Самоубийство! Это ясно, как божий день.

Поскольку самый уважаемый житель Сёрла обвинял меня, постороннего наблюдателя, в невнимательности и излишней панике, я решил не возражать. Однако я отлично знал, что никакого пистолета не было, когда я прямоком отсюда отправился к шерифу. Это я помнил прекрасно.

Когда на обратном пути мы с Андерсоном следовали за машиной «скорой помощи», которая увозила останки Фредерика Джексона, юноша попенял мне:

– Прошу прощения, мистер Уоллес, но... удивительно, что вы не заметили пистолета. Я уж было решил, что нам предстоит расследовать убийство.

– Не стоит унывать, – подбодрил я его, доставая пачку сигарет. – Может, так оно и будет. – Я закурил и вгляделся в завесу пыли впереди.

– Так ведь доктор Стив говорит, что это явное самоубийство.

– Это он так говорит.

Андерсон опять принялся тереть свой подбородок.

– А вы сомневаетесь?

– Чего только не случается в этом безумном мире. Старый Фред сидел себе обедал. Потом вдруг прервался, решив застрелиться. Быстренько пустил себе пулю в лоб и припрятал пистолет. После того как я обнаружил его труп и уехал, он достал из тайника пистолет, положил под свой стул и опять умер. Как я и сказал: в нашем безумном мире случиться может все, что угодно.

Несколько минут Андерсон вел машину молча, затем проговорил:

– Вы, должно быть, дурачите меня, мистер Уоллес.

– Когда я нашел Джексона, пистолета там не было. Смахивает на трюк с фиговым листком.

– Фиговым листком? Не понимаю...

– Послушай, Билл, насчет работы у полковника Парнелла – ты это всерьез?

– Всерьез? – воскликнул он. – Да я же говорил вам: все на свете отдам, чтобы вырваться из Сёрла и стать одним из детективов полковника Парнелла.

– Тогда так. Ты помогаешь мне, я – тебе. – Я стряхнул сигаретный пепел в открытое окно машины. – Настоятельная рекомендация от меня будет весомой протекцией. Наш полковник всегда в поиске толкового и исполнительного человека с полицейской подготовкой.

– Можете на меня положиться, мистер Уоллес, – серьезно проговорил Андерсон. – Просто говорите мне, чего вы хотите. Я вас не подведу, мистер Уоллес, честное слово!

– Отлично. Я только что сказал про фиговый листок. Мы, детективы Парнелла, используем свой особый жаргон и фиговый листок упоминаем, когда речь идет о попытке скрыть информацию или замять дело. С того момента, как Адам вкусил запретного плода, он стал прикрывать свое хозяйство фиговым листком. Соображаешь? Фиговый лист, маскировка.

– Вы полагаете, смерть Джексона – это маскировка?

– Как пить дать. Это убийство, Билл. Даже не сомневайся. Скорее всего, дело было так. Когда я подъехал к хижине, убийца все еще находился где-то поблизости. Когда я уехал, он мог вернуться в комнату и подкинуть пистолет. Мне эта версия не нравится, но и отрицать ее не стоит. Я больше склоняюсь к тому, что оружие подбросил доктор Стив. Ведь он знает: если Джексона убили, то надо вызывать полицию штата, а это, в свою очередь, означает конец карьеры Мэйсона. Вот почему мне больше нравится такая версия: когда ты по телефону сказал ему, что Джексона убили, он прихватил пистолет, поехал вперед и подложил оружие, тем самым прикрыв Мэйсона фиговым листком.

– Доктор Стив никогда бы не пошел на такое! – Андерсон аж задохнулся от изумления.

– Ты молод, Билл. В жизни бывает и такое. Старые друзья всегда подставят плечо друг другу. С чего вдруг Стив разволновался по поводу убийства старика Джексона? Да с того, что убийство выйдет боком его корешку Мэйсону. В случае же самоубийства полиция штата сюда

не сунется. Но как бы там ни было, убийство меня не касается, это дело полиции. Моя задача – найти внука Джексона. Именно за этим Фред Джексон обратился в наше агентство. Но имей в виду, Билл, если действительно хочешь работать у нас, я должен рассчитывать на твою помощь здесь.

– О боже, это было бы даже слишком для меня, мистер Уоллес, но можете на меня положиться, уверяю вас.

– В таком случае единственное, что от тебя сейчас требуется, – рот держать на замке, а глаза и уши открытыми. – Я повернулся и посмотрел на взволнованное лицо юноши. – Я тебя предупредил. Будь настороже, но ни слова доктору Стиду, пусть действует по своему усмотрению.

Через полчаса мы сидели вокруг стола шерифа Мэйсона: доктор Сид, Андерсон и я.

Поразительно, как пинта скотча может преобразить человека, думал я, поглядывая на жирное, благодушное лицо шерифа: обливаясь потом, Мэйсон сейчас походил на счастливого Санта-Клауса.

Он выслушал доклад доктора Стида, затем лучезарно улыбнулся мне:

– Что ж, проблемы у нас не сказать чтоб большие. Мистер Уоллес, позвольте сообщить, что я наслышан о полковнике Парнелле. И я горжусь тем, что познакомился с одним из его детективов. – Он подался вперед и похлопал меня по руке. – Весьма солидное агентство. Сотрудники – высший класс!

– Благодарю, – ответил я.

– Вот только ошибочка вышла, а? – Он сощурил свои свинячьи глазки и негромко рыгнул. – Будь ты хоть семи пядей во лбу, от ошибок никто не застрахован, верно?

– Конечно, – проговорил я невозмутимо.

Шериф перевел взгляд на доктора Стида.

– Итак, Ларри, ты побывал там и утверждаешь, что старина Фред застрелился... Верно?

– Вне всяких сомнений, – подтвердил доктор Сид, горестно покачав головой. – И я не удивлен, Тим. Несчастный старик жил в крайне тяжелых условиях. Он потерял внука и страдал от одиночества. Согласитесь, в подобных обстоятельствах такой исход можно назвать благом. И я его не осуждаю. Лишенный ног, без должного ухода, в полном одиночестве... такой исход – благо для него.

– Ну да... – Мэйсон стянул с головы ковбойскую шляпу, вытер лоб, опять надел шляпу и тоже изобразил на лице скорбь. – В общем, вмешивать полицию штата в эту печальную историю мы не станем?

– Конечно нет. Случай самоубийства не предполагает вмешательства полиции штата, – подвел итог доктор Сид.

Мэйсон расплылся в улыбке и потер руки.

– Вот и ладно. Не люблю я этих парней. Когда медицинское заключение, Ларри?

– Через пару дней. Постараюсь сделать все побыстрее. А хоронить Фреда нам придется за счет города, Тим. Вряд ли он откладывал деньги на похороны. К тому же мы в состоянии это себе позволить. Город наверняка захочет проводить его в последний путь достойно.

– Ты прав: как-никак отец национального героя. Поговори с народом, Ларри. – Мэйсон достал бумажник и выудил из него измятую пятидолларовую банкноту. – Хочу внести свою лепту. Остальные деньги соберете сами. Мы должны устроить ему достойные проводы.

Доктор Сид положил деньги в карман и поднялся.

– Тим, я всегда говорил, что у тебя благородное сердце. Я пошел. Организацией похорон займусь сам. – Он повернулся ко мне. – Рад был познакомиться, мистер Уоллес. Сожалею, что ваш визит в наш городок оказался омрачен таким печальным событием. Фредерик Джексон был замечательным человеком. И сын его – тоже. Мы, жители Сёрла, гордимся обоими.

Я встал, пожал ему руку и проводил взглядом до дверей. У порога доктор обернулся, лукаво улыбнулся мне и похромал на солнцепек.

– Что ж, мистер Уоллес, – повернул ко мне сияющую физиономию Мэйсон, – полагаю, и вам пора отправляться восвояси. Как насчет того, чтобы пропустить по стаканчику перед тем, как распрощаться? – Он вытащил из ящика стола бутылку скотча.

– Еще не время, – сказал я, глядя прямо ему в глаза. – Я погощу у вас денек-другой. Видите ли, шериф Мэйсон, Джексон поручил нашему агентству разыскать его внука. Он нам заплатил и, хоть и умер, по-прежнему остается нашим клиентом.

Взгляд Мэйсона разом потускнел. Он мгновенно утратил половину своего пропахшего потом благодушия.

– Стоит ли тратить время на поиски его внука? Парень может находиться где угодно, ведь он сбежал добрых шесть лет назад.

– И все же мы должны попытаться найти его, шериф, – твердо сказал я, не отводя взгляда. – Вы не против, если я порасспрашиваю кое-кого из местных? Или, может, предпочтете сами переговорить с полковником Парнеллом? Насколько я понял, вы не сообщили полиции штата о пропаже мальчика. Возможно, полковник Парнелл захочет пообщаться с ними.

Мэйсон дернулся, будто от зубной боли. Из ящика стола он достал стакан и налил себе добрую порцию виски.

– Я не против, мистер Уоллес. Валяйте. Делайте, что считаете нужным. Зря потеряете время, уверяю вас.

– За потерю времени мне заплатят, – бросил я и, даже не взглянув на Андерсона, сидевшего тихонько, как послушный котенок, вышел на главную улицу.

Прежде чем сделать следующий шаг, я решил доложить обо всем полковнику Парнеллу. Под любопытными взглядами жителей Сёрла я вернулся к тому месту, где оставил свою машину, и быстро поехал в Парадиз-Сити.

В числе тех навыков, которым научил меня отец, было умение делать лаконичный устный доклад: отбросить лишнее, не упустив при этом важных фактов.

Полковник Парнелл сидел неподвижно в своем начальственном кресле, глаза прикрыты, крупные ладони покоятся на белоснежном листе бумаги. Доклад о расследовании в Сёрле он выслушал, ни разу не перебив меня.

Часы на столе полковника показывали 18:00. Обычно Парнелл уходил из офиса ровно в 17:30. Заядлый гольфист, он настолько заинтересовался моим докладом, что забыл о своей вечерней партии. Это меня порадовало.

– Таково положение дел на настоящий момент, сэр, – заключил я и только сейчас обратил внимание, что проговорил без остановки полчаса.

Он открыл глаза и посмотрел мне прямо в лицо:

– Толковый доклад, Дирк. Ну что же, Фредерик Джексон по-прежнему наш клиент. Нас наняли разыскать внука, однако факт убийства Джексона может осложнить ситуацию.

– В заключении коронера будет указано «самоубийство», сэр, – сказал я. – Поэтому никто не сможет обвинить нас во вмешательстве в дело расследования убийства.

Полковник кивнул, взял со стола авторучку, разглядел ее со всех сторон и вновь поднял на меня глаза.

– Я вот думаю... Может, лучше снять вас с этого задания и поручить его Чики? Опыта у него много больше. Чую, хлебнем мы с этим делом.

Я постарался не показывать разочарования.

– Решать вам, сэр.

Неожиданно он широко улыбнулся:

– До сих пор вы действовали толково, поэтому оставляю вас в деле. Учтите: нарветесь на неприятности – вас сменил Чик.

– Благодарю, сэр.

– А теперь давайте прикинем, чем можно помочь вам. Есть идеи?

– Для начала разрешите мне сообщить Биллу Андерсону, что вы заинтересовались его кандидатурой и могли бы предложить ему работу в агентстве. Он мечтает попасть к нам. Для меня это крайне важно, ведь придется собирать информацию в Сёрле. Городок этот – настоящий рассадник сплетен, но Андерсон, если его должным образом воодушевить, сможет избавить меня от лишней беготни и разузнать кое-что полезное, не поднимая лишнего шума.

– Понятно. Можете ему передать: как только у нас появится вакансия, я обязательно с ним побеседую. Если парень окажется полезен, то может рассчитывать на работу у нас, так ему и передайте.

– Передам. Еще я хотел бы знать, что произошло с Сидом Уоткинсом. По моим сведениям, Сид после демобилизации из армии куда-то исчез. В Сёрл не возвращался. Считаю важным выйти на его след.

– Наведем справки через армейские архивы, а если нужно, подключим ФБР.

– Мне также надо знать, был ли Митч Джексон женат, когда и на ком.

– Думаю, и это мы выясним.

– Сэр, вы говорили мне, что Джексон был вашим лучшим солдатом. Однако в Сёрле бытует мнение о Митче как о дрянном человеке – жестоком и опасном головорезе.

Парнелл нахмурился. Лицо его посуровело, он мгновенно превратился в воина-ветерана, каковым, по сути, и был.

– Чушь собачья! Митча я считал моим лучшим сержантом. Никогда не слышал жалоб на его поведение. Мне докладывали, что он пользовался уважением у своих солдат. Он был смел и отважен. Никто не получает медаль Почета, не заслужив ее!

– Хорошо, сэр. Возможно, жители Сёрла необъективны. Люди меняются...

– Вот именно. Война меняет людей. Я считаю, что Митч был образцовым солдатом.

Свое мнение о Митче Джеконе я оставил при себе. Ведь не исключено, что жители Сёрла знают, что говорят, а необъективен как раз полковник. Ушлomu штаб-сержанту ничего не стоит запудрить мозги своему командиру, но об этом я тоже решил промолчать.

– Пожалуй, это все мои соображения на настоящий момент, сэр, – сказал я. – Вернусь в Сёрл и поселюсь в местном отеле. Моя задача – отыскать внука. Но если найду зацепку по убийству Джексона, сразу дам вам знать.

– Все правильно, Дирк. Помните, с делами об убийствах мы не связываемся. – Он внимательно посмотрел на меня. – Копайте, пока не добудете веских доказательств того, что Джексон был убит.

– Да, сэр.

– Деньги на расходы получите – я поговорю с Глендой. Я хочу, чтобы мы нашли внука.

– Да, сэр.

Полковник кивнул и поднялся из-за стола.

– Партию в гольф я пропустил. А вы играете в гольф, Дирк?

– Играл когда-то. Нынче это дорогое удовольствие.

– И сколько набирали очков?

– Ну, в свой лучший день – шестьдесят четыре.

– Вот как? – Он усмехнулся. – Давайте как-нибудь организуем партию. Разомнем кости. Я вернулся в наш кабинет. Чик наводил порядок на своем столе.

– Как делишки? – спросил он. – Пойдем, пропустим по одной.

В ближайшем баре я изложил ему историю, которую только что рассказывал полковнику. Чик слушал меня, то и дело прикладываясь к бутылке скотча.

– Ты молоток, Дирк. Тебе подвалило настоящее дело.

– Оно может подвалить и тебе, если я напортачу.

Чик ухмыльнулся:

– Не напортачишь. Чертовски не хотелось бы оказаться в такой дыре, как Сёрл.

– Меня напрягает Митч Джексон. Полковник его перевозносит, а от людей в городке я слышал, что он был настоящим отморозком. Хотелось бы это проверить.

Чик взглянул на меня с легким удивлением:

– Уж поверь мне, Дирк, Митч был... просто офигенным. То, что совершил он...

– погоди, давай пока оставим геройскую тему, – перебил я его. – Может, это у вас, офицеров, Джексон был любимчиком, но я хотел бы разобраться, что он за фрукт, потолковать с ребятами, которые служили под его началом. С рядовым составом. Если они скажут, что он был классным парнем, значит так и есть. Я же сам служил в армии. И знаю, как штаб-сержант может прогибаться перед офицерами и какой быть скотиной с рядовыми. Мне показалось весьма странным, что для жителей Сёрла весть о его смерти стала едва ли не всенародным праздником. Разумеется, я допускаю, что война меняет человека, но из того, что я услышал о Джексоне, складывается портрет жестокого бандита... Я хочу разобраться, каким же он был на самом деле.

Чик подлил себе виски, затем кивнул.

– Ставлю свой последний бакс, что Митч был настоящим мужиком. Однако и в твоих словах есть резон. С нами он был просто молодцом. Каждый наш приказ исполнялся им безукоризненно. Мы могли на него положиться – во всем.

– Кто-нибудь из офицеров хоть раз пытался пообщаться с солдатами и узнать, так ли хорошо им служит с Джексонем, как вам?

– А зачем? Наш полк был на хорошем счету, все были довольны. Митч командовал солдатами, мы отдавали приказы, все работало как надо.

– И все же я хочу его проверить. Мне надо поговорить с кем-нибудь из его бывших подчиненных. Может, кто-то из них живет здесь поблизости, не в курсе?

Чик задумался, потом кивнул:

– Хэнк Смит, цветной. Работает водителем мусоровоза в Майами. В прошлом году мы с ним случайно встретились. Я-то его не вспомнил, а он меня узнал. Уговорил зайти к нему домой в Западный Майами и выпить за старое времечко. Он служил у меня в полку, был хорошим солдатом. Да, кстати... Когда я заговорил о Митче и его медали, Хэнк среагировал как-то без эмоций. Просто кивнул, согласившись, что это было здорово для всего полка, и сменил тему. – Чик почесал затылок. – Ну, не знаю. Может, ты и прав. Не думаю, что полковник одобрит, но со Смитом поговорить стоит. Он живет на Вест-авеню, угловой дом, справа.

Часом позже я въехал на своей машине в «цветное» гетто Западного Майами. Часы показывали 21:10. Мы с Чиком съели по гамбургеру, затем он умчался на свидание, а я отправился в свою двухкомнатную квартиру. Собрав чемодан для поездки в Сёрл, я решил отыскать Хэнка Смита.

Вечер стоял жаркий и влажный. По обеим сторонам Вест-авеню тянулись ветхие домишки. На террасах сидели темнокожие люди, детишки играли на улице. Под испытующим взглядом множества глаз я остановил машину у жалкого «углового дома, справа».

Крупная полная женщина с ярко-красной косынкой на голове и в полинявшем от стирок платье в цветочек сидела в кресле-качалке, уставившись в пространство. Взгляд ее маленьких черных глаз ожил, когда я вылез из машины, распахнул воротца сада и подошел к террасе. Я чувствовал, что и обитатели всех соседних террас не спускают с меня глаз.

– Миссис Смит? – спросил я, подойдя к женщине.

Вблизи я разглядел, что ей лет пятьдесят. На ее широком черном лице читалось волевое и серьезное выражение, присущее женщине, которая всю жизнь мечтает и отчаянно старается жить не хуже других и отказывается примириться с горьким фактом, что мечта ее неосуществима.

Со сдержанным недоверием она кивнула мне:

– Да, это я.

– А мистер Смит дома?

– Зачем вам мой муж? Если вы что-то продаете, можете не заморачиваться: деньгами в семье распоряжаюсь я, и лишних у меня не водится.

В дверях появился мощно сложенный негр, одетый в чистую белую рубаху и джинсы. В коротко стриженных курчавых волосах серебрилась седина. Взгляд налитых кровью черных глаз был решительным, но, когда полные губы раздвинула улыбка, обнажив белоснежные зубы, его лицо обрело приветливое выражение.

– Чего вы хотите, мистер? – негромко пророкотал он.

– Вы мистер Смит?

– Ну, да... Он самый.

– Мистер Смит, надеюсь, я не отрываю вас от дел. Чик Барли сказал, что вы, возможно, будете рады моему приходу.

Его улыбка стала еще шире.

– Мистер Барли – прекрасный человек. Конечно, я всегда рад познакомиться с другом мистера Барли. – Он подошел, и мы пожали друг другу руки.

– Дирк Уоллес, – представился я. – Работаю у полковника Парнелла.

Он снова улыбнулся:

– Еще один прекрасный человек. Что ж, входите, мистер Уоллес. Наши соседи чересчур любопытны. Пропустим по стаканчику.

– Хэнк! – резко окликнула его жена. – На выпивку не налегай!

– Расслабься, Ханна, – ласково улыбнулся ей Хэнк. – Немного выпивки не повредит добрым друзьям.

Он провел меня в маленькую гостиную, меблированную весьма просто, но практично и удобно: два кресла, стол из сосновых досок и три стула с прямой высокой спинкой.

– Присаживайтесь, мистер Уоллес. – Смит махнул в сторону одного из кресел. – Немного скотча?

– Да, с удовольствием! – ответил я.

Пока он отсутствовал, я осмотрелся. Здесь были фотографии: Смит в военной форме, свадебный снимок Смита и Ханны, портреты двух обаятельных детишек. Смит вернулся с двумя стаканами, щедро наполненными скотчем и побрякивающими кубиками льда.

– Как поживает мистер Барли? – спросил он, передавая мне стакан. – Давненько мы с ним не виделись.

– Отлично. Просил передать наилучшие пожелания, – ответил я.

Смит просиял и уселся в кресло.

– Видите ли, мистер Уоллес, мы, солдаты, не всегда ладили с военной полицией. Но мистер Барли... Он был совсем не таким, как остальные. Когда мы были на передовой, он на многое закрывал глаза. Потому ребята любили его.

Он поднял свой стакан и отсалютовал мне. Выпили. Скотч едва не обжег мне миндалины.

Смит пристально взглянул на меня.

– Крепковат, мм? – спросил он, заметив, что у меня на глазах выступили слезы. – Нас, старых вояк, только такой и проберет.

Я поставил стакан на стол.

– Это точно. – Мне удалось улыбнуться. – А я во Вьетнам так и не попал. Все закончилось до того, как мой призыв завершил учебку.

– Считайте, вам повезло. Там пришлось несладко.

Я достал из кармана пачку сигарет и предложил ему. Закурили.

– Мистер Смит...

Он вновь расплылся в улыбке:

– Можете называть меня Хэнком, мистер Уоллес. А вы... вы ведь были офицером?

– Старая история. Зовите меня Дирком.

– Как вам угодно. – Он выпил, вздохнул и затем спросил: – Так вы работаете на полковника?

– Да. Хэнк, я приехал к вам, потому что Чик сказал, вы можете помочь мне.

– Вот как? – удивился он. – Да, конечно... Но чем помочь?

– Митч Джексон. Помните его?

Улыбка сползла с лица Смита, он ответил неожиданно сухим и бесцветным голосом:

– Помню.

– Я раскапываю прошлое Митча. Это очень важно. Что бы вы ни сказали мне – строго конфиденциально. Я всего лишь хочу узнать ваше искреннее мнение о нем.

– Зачем оно вам?

– Вчера умер его отец. Ведется расследование. Мы полагаем, Митч Джексон может быть каким-то образом причастен к смерти отца.

– И вы хотите услышать, что я на самом деле думаю о Митче?

– Именно. Поверьте, если у вас есть что рассказать, информация не уйдет дальше этих четырех стен. Даю вам слово.

Он в задумчивости подвигал большими ступнями.

– Нельзя говорить о покойниках дурно, – наконец сказал он. – Особенно о том, кто награжден медалью Почета.

Я снова сделал глоток скотча. Он казался все таким же ядреным, но я понемногу уже привыкал к напитку.

– Как к нему относились солдаты? И вы сами?

Смит помялся, затем пожал плечами.

– У него было много любимчиков, вот в чем беда. Может, вы не в курсе, но когда штабс-сержант заводит себе любимчиков, а других солдат гоняет до изнеможения, он не станет популярным. Вот каким он был. С одними – отец родной, с другими – последняя сволочь.

– А с вами?

– Хуже некуда: мне доставалась только грязная работа. И не мне одному. Большой части батальона приходилось совсем не сладко, остальные жили припеваючи.

– Наверное, этому были какие-то объяснения?

– Это уж точно. Все бойцы, которые зашли в джунгли до прилета бомбардировщиков, были его любимчиками. Именно это, и ничто другое заставило его рвануть следом. И вовсе не потому, что он так уж любил их. Все дело в том, что они приносили ему больше тысячи баксов в неделю и этот хапуга просто не пережил бы, если бы потерял весь свой доход. Окажись там другие солдаты, он бы пальцем не пошевелил. Вот как он получил медаль – спасал свой еженедельный доход.

– Я не понял, Хэнк. Почему те ребята выплачивали ему тысячу в неделю?

Хэнк допил скотч, не сводя с меня глаз.

– Точно не для протокола? Я не хочу нажить себе неприятностей.

– Точно. Между нами.

– Митч Джексон торговал наркотиками.

Общеизвестный факт, что среди солдат, воевавших во Вьетнаме, был высокий процент наркоманов и очень много молодых ребят были посажены на травку. Тем не менее слова Хэнка удивили меня.

– Это серьезное обвинение, Хэнк, – сказал я. – Если знали, почему вы не доложили полковнику Парнеллу?

Смит кисло улыбнулся:

– Потому что хотел остаться в живых. И знал не я один. Но не доложил никто. Я вот что вам скажу. Один сержант, подчиненный Джексона, узнал, чем тот занимается. И заявил Джексону, чтобы сворачивал свою лавочку, иначе он подаст рапорт. Сержант с Джексоном отправились вместе в дозор. Из дозора сержант не вернулся. Джексон доложил, что его снял вьетнамский снайпер. Двое парней, которым Джексон предложить купить у него наркотик, отказались. Они тоже погибли от пуль снайперов. Так пошел слух, что лучше держать язык за зубами. А что я мог сделать один? Только навлек бы на себя беду. Цветной солдат доносит полковнику на штаб-сержанта, в котором тот души не чает?.. И я молчал.

Понемногу мне становилось ясно, что жители Сёрла были правы насчет Митча Джексона, а полковник Парнелл заблуждался.

– Есть идеи, как Джексон добывал наркотики?

– Нет. Тогда не хотел этого знать и теперь не желаю.

– Он наверняка зарабатывал кучу денег.

– Я говорил, по меньшей мере тысячу баксов в неделю. Молодых он посадил крепко. Кое у кого были состоятельные родители, присылали деньги. У кого денег не было, воровали буквально все, что плохо лежало в Сайгоне, – туда их отправляли с передовой на недельный отдых.

– Куда же он девал такие деньжищи? Там он их потратить не мог.

Хэнк пожал плечами:

– Кто его знает. Джексон был не единственным – торговцев наркотиками в армии хватало: в нашем подразделении – Джексон, и в каждом подразделении был свой пушер³. Может, они собирали барыши и переправляли домой.

Наверняка все так и было, подумал я.

– Вам что-нибудь говорит имя Сид Уоткинс?

Хэнк подумал и покачал головой:

– Нет, в нашей части такого не было.

В дверях появилась миссис Смит:

– Хэнк, ты есть собираешься? Курица уже вся разваливается на куски.

Я понял намек, поднялся и пожал ему руку:

– Спасибо, Хэнк. Если понадобится еще что-то уточнить, могу ли я снова повидаться с вами?

Он кивнул:

– Конечно, только если это строго конфиденциально.

Уходя, я дружески улыбнулся миссис Смит, однако лицо хозяйки осталось непроницаемым. По-видимому, с ее точки зрения, я не был желанным гостем.

По дорожке я вернулся к своей машине. Даже в темноте я чувствовал на себе взгляды множества глаз. Когда я сел в машину, из сумрака вдруг возник чернокожий широкоплечий верзила, одетый в темную рубаху с расстегнутым воротом и темные брюки из хлопка. Шагнул к моей машине, он положил две огромные черные ладони на раму ее открытого окна и просунулся в салон. От него несло джином.

– Белым не фиг делать в нашем районе, – негромко проговорил он с угрозой в голосе. – Вали отсюда, белый, и не возвращайся.

Я запустил двигатель, перевел автомат в положение «драйв» и затем, глядя на него снизу вверх, сказал:

– Сам вали. И подальше, салага черный!

³ Пушер (сленг) – мелкий торговец наркотиками.

Я вдавил педаль газа в пол, и машина рванула с места. В зеркале заднего вида я увидел, как верзила шагнул на середину улицы с крепко сжатыми кулаками. Он был страшен, как разъяренная горилла.

Что ж, кое-что я выяснил. Митч Джексон вовсе не был благородным героем. Он был гнуснейшей сволочью на свете. Ублюдком, продававшим наркотики молодым парням, ни больше ни меньше. Многие еще предстояло осмыслить, однако по дороге в Парадиз-Сити мне вдруг пришло на ум, что я позволил себе отвлечься от своей главной задачи. А она состояла в том, чтобы разыскать внука Фреда Джексона. Однако профессиональное чутье подсказывало, что убийство Фреда Джексона и наркоторговля Митча Джексона как-то связаны с пропажей мальчика. Всего лишь интуитивная догадка, но своей интуиции я доверял: еще когда я работал у отца, она редко подводила меня.

Ехать в Сёрл было уже поздно, и я вернулся в свою двухкомнатную квартирку.

В подземном паркинге я оставил машину и на лифте поднялся к себе на шестой этаж.

Мозг напряженно работал, переваривая новую информацию, когда я открывал дверь квартиры, – вот почему меня не насторожило то, что ключ в замке повернулся не сразу.

Как только я вошел в маленькую уютную гостиную, мой нос уловил запах гостей еще до того, как я их увидел. Вонь немытых тел, словно сигнал тревоги, предупредила меня об опасности.

Они появились из моей спальни, как две черные тени, а черные руки сжимали жуткого вида выкидные ножи.

Сосед снизу включил телевизор на полную громкость, и голос диктора принялся бубнить новости.

Глава третья

Вид этих двоих чернокожих напугал меня не на шутку. От дверей спальни они двинулись в мою сторону, один заходил справа, другой – слева.

Тот, что справа, был длинный, болезненно худой, с копной волос, напоминающей сахарную вату. На нем, как на вешалке, болтался распахнутый жилет из кожи козы, обнажая тощую грудь. Нитки дешевых ярких бус свисали до пупа. Ярko-красные брюки в обlipку были запятнаны в промежности.

Заходивший слева был ростом пониже, но с виду такой же задохлик. На нем было засаленное черное сомбреро, драная кожаная безрукавка и черные кожаные штаны. Оба были босы, от грязных ног остро воняло.

Все это я заметил с одного взгляда.

Если бы не вонь их немытых тел, со мной было бы вмиг покончено, – именно это послужило сигналом опасности.

Входная дверь оставалась открытой.

Когда они двинулись на меня, я увидел их глаза – будто лишенные зрачков. Оба были под сильным кайфом.

Я резко отпрянул назад в коридор, захлопнул дверь квартиры и бросился к лифту, который остался на моем этаже. Заскочив в него, я едва успел нажать кнопку, как распахнулась дверь моей квартиры. Двери лифта с шумом сомкнулись в тот момент, когда эти двое устремились к нему.

Я привалился спиной к стенке кабины. Лифт шел вниз, а я между тем ловил ртом воздух. Боже, как же я испугался! В жизни не видел никого страшнее этой парочки гопников, вооруженных ножами.

Лифт, казалось, едва ползет. С лестницы доносился топот босых ног моих преследователей – они неслись через две ступени. Я понял: внизу они окажутся раньше и встретят меня. Когда я услышал, что они обогнали лифт, то нажал кнопку «стоп». Третий этаж. Я нажал на кнопку шестого.

«Не на того нарвались, ублюдки», – подумал я, когда кабина пошла вверх. С тоской я вспомнил о револьвере 38-го калибра, оставшемся в моем шкафу. Шанса вернуться в квартиру за оружием нет. Они успеют меня перехватить.

В лифте я чувствовал себя в безопасности.

Кабина еще ползла наверх, когда я слышал топот босых ног. Значит, один бежал за лифтом, а второй остался ждать внизу. Соотношение сил изменилось вдвое, но меня не грела перспектива схватиться с обдолбанным гопником, вооруженным выкидным ножом.

На шестом этаже двери лифта поползли в стороны. Я успел разглядеть черное сомбреро уже на верху лестничного пролета. Я нажал кнопку четырнадцатого этажа – последнего. Двери зашумели, смыкаясь, и в этот момент бандит с искаженным ненавистью лицом подскочил к лифту и попытался просунуть лезвие ножа между дверей, но опоздал.

Лифт опять пополз вверх. Шаги на лестнице тяжело затопали следом. Я посмотрел на «тревожную» кнопку: она была предназначена для того, чтобы застрявший в лифте человек мог вызвать помощь, но решил не нажимать ее, пожалев славного старичка-привратника. Эти двое порежут его на куски, если он вмешается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.